

ПАНОРАМА: ИСТОРИЯ МИРА II

Секулярные доктрины и
религиозные мировоззрения

Вышедший из союза политических потрясений и экономических трансформаций, Модерн требовал осмысления своего опыта – это была необходимость, продиктованная как новыми проблемами, так и новыми возможностями. При этом, решения проблемам и предложения по использованию высвобожденной модерном энергии предлагались не только в рамках секулярных идеологий – всевозможных «измов». Немаловажными оказались и ответы, сформулированные внутри традиционного, в первую очередь, религиозного мировоззрения. Религия, подвергаясь атакам со стороны многочисленных сторонников исключительно светской современности, показала завидные способности адаптироваться к новым условиям, выборочно кооптируя элементы модерна, и оказывая сопротивление приверженцам мира без религии.

Работая бок о бок, Промышленный переворот и Французская Революция стали проводниками появившихся на пороге 19 века секулярных идеологий: национализма, социализма, либерализма, консерватизма и т. д. Среди них, благодаря своим мобилизационным способностям, национализм играл особую роль. Отличаясь друг от друга в деталях, националистические программы базировались на идее естественного и исконного деления людей на национальные общины. Их смысл, поэтому, заключался, во-первых, в прояснении факта существования этих общин, во-вторых, в определении условий принадлежности индивидуумов к национальным коллективам, а в-третьих, в содействии в процессе их политического оформления в национальные государства или, на худой конец, национальные автономии. Другими словами, националисты утверждали, что, вне зависимости от уровня знания или сознания, каждый человек по факту своего рождения являлся членом сформировавшей его мировоззрение нации; естественным и обоснованным казалась националистам и стремление наций к созданию институтов, гарантирующих их дальнейшее присутствие и развитие.

Сила национализма вытекала как из эмоциональной, так и рациональной составляющих. На уровне чувств, он притягивал массы, апеллируя к сильнодействующим мифам общего страдания и преодоления; каждый член национального сообщества мог ощущать свою причастность к драмам и триумфам прошлого. Национализм повышал значимость каждого через значимость всех – и, наоборот, придавал значимости всей нации через значимость отдельных ее представителей (писателей, воинов, мучеников и т. п.). На уровне идей же национализм положительно отличался и от либерализма с его плохо скрываемой элитарностью, и от социализма с его проповедью классовой борьбы.

Последнее, однако, не означало, что национализм был несовместим с другими политическими течениями времени – т. е. с тем же либерализмом и социализмом. Наоборот, в 19 веке эти идеологии часто сливались друг с другом, создавая мощные по своему взрывному потенциалу амальгамы.

Особенно сильным оказалось соединение либерализма с национализмом. Первый провозглашал примат принципа свободы, второй же наполнял эту, в общем-то неопределенную, идею национальным содержанием: иначе выражаясь, апологеты либерального национализма считали свободу – в том числе и индивидуальную – возможной лишь при условии обретения нацией политической автономии.

В этом, обусловленном либеральной повесткой, варианте, национализм и вышел на поверхность истории в многочисленных национально-освободительных войнах первой половины 19 века: Греческой войны за Независимость в 1821-1830 гг., Польского Ноябрьского восстания в 1830-1831 гг., Бельгийской революции в 1830-1831 гг., выступлений на Балканах (в Сербии в частности), восстаний в австрийских итальянских владениях в 1848 г., Венгерской революции в 1848-49 гг., и т. п. Действительно, значительность национально-либерального момента в восстаниях 1848-1849 гг. была такова, что современники окрестили это время «Весной народов».

Достигнув своего апогея в восстаниях 1848-1849 годов, первая фаза национальных выступлений привела к неоднозначным результатам. Греция и Бельгия обрели независимость, но поляки остались в Российской империи, потеряв остатки автономии, а Габсбургам, после первых неудач, удалось восстановить контроль над своими итальянскими и венгерскими провинциями. В ближайшие два десятилетия, однако, и итальянцы и венгры получили существенную помощь извне, позволившую им реализовать национальные программы.

Так, после неудачи восстаний 1848-1849 гг., инициатива в объединении всех итальянцев (независимо от многочисленных региональных отличий) в единую Италию перешла в руки небольшого, но амбициозного Сардинского королевства (известного также, как королевство Пьемонт-Сардиния). Благодаря своему премьер-министру Камилло Кавуру Сардинии удалось войти в политически выгодный для себя союз с Францией. Дивиденды были получены в 1859 году, когда совместными усилиями французов и сардинцев удалось вытеснить австрийцев из Ломбардии. В течение следующих двух лет Сардинское королевство подчинило себе значительную часть северной и центральной Италии; действующие на юге полуострова «краснорубашечники» итальянского патриота Джузеппе Гарибальди свергли Бурбонов и, войдя в Неаполь, фактически завершили объединение Италии под скипетром Сардинского королевского дома. Возникло новое государство – Италия – хотя, конечно же, слияние различных по историческому опыту, экономической жизни, и, даже, языку, регионов оставалось поверхностным, что и дало о себе знать в страстях и разворотах итальянской политики.

Венгрия же стала побочным бенефициаром другого, по-настоящему судьбоносного, события в истории европейского национализма – движению по созданию немецкого национального государства. В 1867 году, воспользовавшись поражением Австрии в Австро-Прусской войне за гегемонию в германском мире, венгерская элита вынудила австрийского императора Франца Иозефа I признать полную внутреннюю автономию Венгрии. Одновременно, Франц Иозеф был провозглашен королем Венгрии, что превратило империю Габсбургов в дуалистическую монархию, именуемую с этого момента Австро-Венгрией.

События в Венгрии оставались лишь некоей интермедией в истории появления единой Германии. Здесь, как и во многих других регионах Европы, либералы попытались в 1848 году создать государство, что объединяло бы всех немцев. Их усилия потерпели фиаско, надолго дискредитировав либеральную идею. На первый план вышла Прусская монархия Гогенцоллернов. С 1862 политикой этого милитаризированного государства руководил бывший ранее послом в Санкт-Петербурге Отто фон Бисмарк. В одной из своих речей он объявил, что в современную ему эпоху главные вопросы должны решаться не дискуссиями и парламентскими голосованиями, но железом и кровью. Его действия соответствовали этому утверждению: проведя успешную войну с Данией в 1864 году, а затем и с Австрией, Бисмарк обеспечил Пруссии господствующее положение во всей северной Германии. В 1870 году, воспользовавшись дипломатическим ухищрением, Бисмарк начал войну с Францией, закончившуюся поражением последней и падением «Второй Французской Империи». Мир, подписанный в Версале в 1871 году ознаменовался созданием Германской Империи с прусским королем – а теперь Германским императором – Вильгельмом I – во главе. Франция лишилась двух своих западных провинций и выплачивала большую контрибуцию. В Европе появился если не безусловный гегемон, то государство, претендующее на эту роль.

Создание Италии и Германии стало кульминацией националистических устремлений. Но национализм, несмотря на успех, был далеко не единственным эффективным средством мобилизации масс. В политической и интеллектуальной истории континента все большую роль начинали играть социалистические взгляды. Как доктрина, социализм идет корнями как минимум в раннее христианство, быть может даже в политическую философию Платона, но лишь к концу 18 века, он начал обретать определенную идеологическую законченность. С точки зрения предпосылок, социализм являлся и является отрицанием либерализма: если для последнего важна индивидуальная свобода – т. е., иначе говоря, отсутствие ограничений на стремление к осуществлению личных целей – то первый рассматривал индивидуальное существование только в контексте примата общественных интересов. В соответствие с этим постулатом, понимание, скажем, справедливости формировалось в социалистической повестке с учетом осознанного всеобщего блага – а не в виде результата договоренности между своекорыстными агентами свободного рынка.

Окончательное интеллектуальное созревание социализма связано с именем немецкого философа и социолога Карла Маркса. Являясь последователем другого немецкого философа, Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Маркс считал человеческую историю результатом непрекращающегося диалектического взаимодействия противоположностей. В его, материалистическом прочтении, носителями этих противоположностей были социальные классы,

определяемые, в свою очередь, своим положением к средствам и продуктам производства. В нынешнюю эпоху, утверждал Маркс, борьба противоположностей, т. е. классов, максимально упростилась: с одной стороны мы имеем небольшое имущее меньшинство – буржуазию, владеющую всеми средствами производства (капиталом); с другой стороны им противостоит абсолютное большинство, пролетариат, лишенный имущества и вынужденный продавать свой труд в целях выживания. В попытках обосновать существующее состояние вещей, буржуазия прибегает к высокопарным либеральным лозунгам индивидуальной свободы и правового равенства, но это было и остается лишь формой «ложного сознания». Истинная же цель истории заключается в том, чтобы социализировать средства производства – т. е. заставить доселе частновладельческие фабрики и заводы работать на благо всего общества. Это состояние, достигнутое единовременным обобществлением средств производства и упразднением частной собственности, Маркс называл коммунизмом. Исходя из логики Маркса, коммунизм, был исторически обоснованным, т. е. неизбежным; невзирая на это, Маркс и марксисты призывали пролетариат к новой революции, чтобы радикальными мерами и террором создать условия для его пришествия.

Этот призыв – озвученный не одним Марксом – не остался без внимания. В 1848 году, во время парижских выступлений против короля Луи-Филиппа, социалисты, представленные Луи Бланом, Луи Огюстом Бланки, Пьером-Жозефом Прудоном и другими сыграли важную, хотя и неоднозначную, роль. В атмосфере временного вакуума власти, они пытались провести реформы, нацеленные на предоставление работы безработным, организацию социальных кредитов, и частичную национализацию собственности. Не достигнув желаемых результатов, эти попытки отразились на дальнейшей консолидации социалистов в политические движения. И хотя между лидерами социалистов не было общего понимания того, что конкретно значил социализм и каким образом его постулаты должны были быть воплощены в жизнь, ведомые ими партии набирались сил, приобретая новых последователей, а затем и получая места в европейских парламентах.

Либерализм также был далек от того, чтобы уступать свои позиции националистам или социалистам. В своем «чистом» виде, он все более становился доктриной буржуазных элит – предпринимателей, представителей академических кругов, юристов, и т. д. Их тактику в Европе можно охарактеризовать как вымеренный реформизм. Так, в Англии либералы поддерживали постепенное снижение имущественного ценза – что привело в 1832 году к двукратному увеличению в численности обладающих правом голоса индивидуумов (заметим, правда, что их число составляло менее одного процента от общего населения). Действуя во Франции более решительно, либералы оставались умеренными в своих требованиях. Будучи ведущей силой в Июльской революции 1830 г. в Париже, они отказались пойти по пути объявивших Первую Французскую Республику революционеров. После свержения Бурбонов, либералы оставили монархию, расширив, как и в Англии, электоральную базу.

Иные формы принял либерализм в Латинской Америке, регионе, в котором идеи Просвещения сыграли такую основополагающую роль во время войн за независимость. Новообразовавшиеся республики (лишь Бразилия осталась монархией) долгое время не были в состоянии сплотить разобщенное колониальным опытом общество. Значительным было влияние церкви и больших землевладельцев. Растущая социальная и этническая напряженность подтачивала республики снизу.

Отсутствие общественной солидарности стало почвой, на которой проросли первые латиноамериканские диктатуры. Каудильо – от испанского «вождь» – как назывались диктаторы, совмещали в себе то, что казалось несовместимым: популистскую риторику служения бедным и обездоленным с защитой интересов земельных магнатов. Их политику характеризовали показательная бравурность и социальный консерватизм.

Типичной среди каудильо является фигура мексиканского диктатора Антонио Лопеса де Санта Анны. Доминируя над мексиканским политическим ландшафтом с 1830 по 1855 год, Санта Анна отличился изначально как защитник интересов Испанской короны; переход на сторону сторонников независимости создал вокруг него ареол настоящего мексиканского патриота. В дальнейшем, Санта Анне пришлось столкнуться с притязаниями американских колонистов на огромные, но слабо заселенные области Мексики севернее Рио Гранде. Конфликты с

ними в итоге привели к катастрофичной для Мексики войне с США. Итог его правления был малоутешителен: тлеющие конфликты на периферии, разрушенные финансы и доставшаяся США половина территории страны.

Отчасти под впечатлением от такого опыта, либералы сумели к середине века собраться с силами и после эпохи каудильо взять власть в свои руки в Мексике, Аргентине, Чили и Колумбии. В Мексике, к примеру, в 1858 году президентом стал родившийся в бедной индейской семье Бенито Хуарес; львиная доля его президентства пришлась на борьбу с начавшейся в 1861 году французской интервенцией. Добившись успеха в войне с французами, Хуарес провел реформы, ослабившие влияния церкви и устранившие ряд ограничений на участие в политической жизни государства.

В умеренно либеральном ключе предпринимались реформы в исламском мире – в первую очередь в Османской империи. Там, после серии неудачных войн с европейскими государствами, правительство пришло к выводу о необходимости глубокой модернизации. Инициированная султаном Махмудом II (1808–1839), эпоха «реорганизации» или «Танзимата» касалась изначально армии. В частности, в 1826 году султаном был упразднен янычарский корпус, замененный современными, обученными европейскими офицерами, войсками. В следующие десятилетия, реформы перекинулись в сферу образования, администрации и политики. В частности, были отменены ущемляющие права немусульман ограничения; появилась новая доктрина «османизма», провозгласившая всех жителей империи равных перед законом гражданами. Кульминацией реформ стала конституция 1876 года, объявившая о созыве первого османского парламента.

К несчастью для либеральных реформатов, их намерения создать единую османскую гражданскую идентичность пришлось на период роста национальных движений в нетурецких областях империи. Болгары, сербы, румыны и другие балканские народы требовали признания своих национальных прав; Греция на юге полуострова стремилась к распространению своего влияния на заселенные греками части Османского государства. Притязания националистов эволюционировали в полномасштабные восстания, а восстания стали основанием для контрнаступления османского двора, приостановившего действие Конституции в 1878 году; с этого момента, османизм постепенно замещался идеями из панисламизма, пантюркизма и сугубо турецкого национализма.

Таким образом, либеральная модернизация столкнулась с фатальными для себя национальными противоречиями. По мере движения 19 века к своему концу, национальная ситуация в империи становилась все более напряженной; внешние обстоятельства, как и отсутствие сильных конституционных средств для выражения интересов этнических общин способствовали этому. С точки зрения взаимодействия национализма с либерализмом, положение Османской империей напоминало положение ее исконного противника – империи Российской.

Политические реформы в Турции стали частью ответа исламского мира на вызовы современности. На Аравийском полуострове и в Западной Африке соприкосновение с меняющейся действительностью дало толчок к религиозному возрождению. В 18 веке, мусульманский богослов Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб основал новое течение, названное позднее Ваххабизмом; он ратовал за возврат к Исламу времен пророка Мухаммеда и праведных халифов, призывал к отказу от культа святых, и проповедовал идею джихада. В лице эмира Мухаммада ибн Сауда, аль Ваххаб нашел сильного светского союзника, сделавшего учения аль Ваххаба официальной доктриной первого саудовского государства.

С призывом обновления ислама выступил в начале 19 века Осман дан Фодио, религиозный писатель из западноафриканской народности Фульбе. Критикуя власть за коррупцию и религиозное отступничество, ему удалось собрать большую армию сторонников очищения ислама. С ними он повел успешное наступление на местных властителей из народа Хауса; объявив себя халифом, Осман дан Фодио основал новое государство Сокото. Своими успехами он вдохновил других религиозных реформаторов на дальнейшую исламизацию региона.

Для сотен миллионов людей – не только мусульман – религия в эпоху глобальных перемен продолжала оставаться основной призмой для восприятия и интерпретации действительности. Индустриализации, борьбе за политические права, планам и попыткам модернизации

общества и государства сопутствовали взрывы религиозного прозелитизма и реформизма. Всю первую половину 19 века США сотрясало от «Второго Великого пробуждения», приведшего к росту методистской и баптистской церквей, и давшего начало новым евангелистическим деноминациям (мормонам, адвентистам и др.). В Англии возникла основанная Уильямом Бутом и его женой Катериной «Армия Спасения», поставившая перед собой задачу облегчения социального положения бедных. Не остался в стороне от общих тенденций и европейский иудаизм. Еще ранее, в середине 18 века на Подолии и Волыни возникло движение хасидизм; хасиды требовали более строгого соблюдения Моисеевых законов и одновременно уповали на силу религиозного откровения. На другой стороне спектра действовали реформистские иудеи. Они стремились привести богословскую и ритуальную стороны иудаизма в соответствие с Просвещением, ратуя за интеграцию евреев в общеевропейский интеллектуальный дискурс.

Неослабевающая актуальность религии в эпоху научных и технических свершений являлась результатом ее адаптивных способностей. Подобно своим светским визави – национализму и социализму в особенности – религии нашли способ доходчиво и убедительно донести до масс свои идеи – разнообразные видения с местом для борьбы, страданий и конечного преодоления. Избирательные в своем отношении к новому времени, религии – как на уровне доктрин, так и институций – предлагали одновременно критику и помощь складывающемуся соотношению сил на планете. Социальная проповедь среди бедных, попытки облегчить их бремя выявляли язвы современного капитализма; содействие же колониальным властям под предлогом распространения христианской добродетели, наоборот, часто служило ширмой, прикрывавшей нагую эксплуатацию колонизированных территорий. В этом противоречии не было ничего парадоксального или лицемерного: скорее, он отражал противоречивую природу самого модерна, целостной частью которого религии суждено было стать.